

УДК 130.2

Владимир Капитон, Ольга Капитон**СОВРЕМЕННАЯ ГУМАНИТАРНАЯ ПАРАДИГМА:
ЛИЧНОСТЬ ПРОТИВ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

В статье анализируется вопрос о понимании «природы» личности и ее роли в решении проблем идентичности.

Ключевые слова: идентичность, личность, человек, общество.

**Kapiton V. P., Kapiton O. V. Modern human paradigm:
Personality vs. cultural identity**

The article analyzes the issue of understanding the personality's "nature" and its role in solving identity problems.

Key words: identity, personality, human, society

Kapiton V. P., Kapiton O. V. Сучасна гуманітарна парадигма: особистість проти культурної ідентичності

У статті аналізується питання про розуміння «природи» особистості та її роль у розв'язанні проблем ідентичності.

Ключові слова: ідентичність, особистість, людина, суспільство.

Вот, уже 10 лет, как XXI век правит бал, однако контуры его еще неопределены, не вырисовались. XXI век пуповиной связан с веком XX, который расплатился сполна по вексям с XVIII и XIX веком. XX столетие – эпоха опредмечивания грандиозных, величественных и просто утопично-абсурдных проектов человеческого разума в науке, политике, экономике и морали. Некоторые из них стали реальностью. И эта реальность осмысливается как кризис науки, искусства, экономического расчета, демократии, нравственности. Эта реальность вылилась в претензии человеческого разума подчинить себе иррациональную стихию. На стыке двух столетий человек увидел, как общество (и особенно интеллигенция) легко отдается во власть иррациональной стихии насилия, толпизма и мистицизма.

В этой связи и возникают вопросы: что такое интеллигентность и гуманитарность сегодня? Эти два вопроса взаимосвязаны. Однако, по – нашему глубокому убеждению, гуманитарность определяет лики, черты интеллигентности. Посему необходимо ответить на такие вопросы: какова система ориентиров гуманитарности? Что определяет ее содержа-

ние, направленность? Что интересует специалиста-гуманитария? Каков рейтинг базовых ценностей, определяющих эту ориентацию?

Ответ на эти вопросы чрезвычайно актуален. В данном случае речь идет не о проблеме профессионального самоопределения. Речь идет о том, в чем и когда может всякий человек быть востребованным как гуманитарий (разумеется, здесь тон задает гуманитарная образованность)? В каких вопросах он может выступать в качестве специалиста? В чем он сам может чувствовать себя специалистом? Иными словами, что образует профессиональную идентичность гуманитария – как внешнюю, социальную его идентификацию как специалиста-профессионала, так и внутреннюю самоидентификацию?

Когда речь заходит о гуманитарности, то следует иметь в виду ее философскую составляющую, которая формировалась на протяжении XX века, которую мы обозначим как **опыт постмодернизма**. Одним из посылов этого опыта является тезис, согласно которому люди не имеют доступа к реальности и истине, а их сознание определяется языком и, значит, теми, кто имеет власть формировать язык. К концу XX столетия стало очевидно, что постмодернизм – в своем постструктуралистском выражении и деконструктивистской методологии – пришел в тупик. Казалось бы, что деконструкция методологии модерна весьма далекое от жизни занятие, на практике – в культуре, политике обернулась скепсисом, бунтом по отношению к предшественникам, к некритическому доверию чужой мысли, к отказу от позиции и ответственности. Результатом, выявился своеобразный шок гуманитарной интеллигенции перед новой цивилизацией, требующей соответствующих изменений в духовном опыте, мировоззрении, метафизике, нравственности, художественной, научной, политической практике. Четко обозначился как переходный характер модерна в целом, так и осознание необходимости нового сдвига гуманитарной парадигмы, который стал бы одновременно развитием и преодолением деконструктивного мировоззрения и деконструктивной методологии.

Однако, такой сдвиг должен отвечать нескольким требованиям: во-первых, не отрицать, а обобщать опыт как модерна, так и постмодерна; во-вторых, быть реально междисциплинарным; в-третьих, обеспечивать осмысление нового цивилизационного опыта, его оснований и перспектив; в-четвертых, делать акцент не столько на структурности, сколько на динамике осмысления и порождения новых смыслов и т.д. В этой связи и возникает необходимость опираться на принципиальный учет роли и значения личности – главного источника критического отношения к опыту постмодернизма. Эксклюзивного

в этом ничего нет. В силу ограниченности своего бытия в пространстве и времени человек осмысляет действительность всегда с определенной позиции. Посему смыслообразование всегда персонологично, оно результат глубоко личного опыта, проявление человеческой свободы и ответственности.

В истории человеческой культуры неоднократно случались подобные периоды пробы сил разума. В качестве примера можно сослаться на античную софистику, эпоху Просвещения, серебряный век в России, когда осуществлялся активный поиск, когда парадоксы, дистинкции и прочие симулякры приобретали большую реальность, чем сама реальность. И всегда такой поиск предварял качественный рывок, прорыв человеческого опыта к новой целостности бытия. Поэтому перспектива философии может быть связана только с поиском перспектив нового гуманизма.

В этой связи отметим одну из характерных тенденций философствования последних двух столетий: от онтологии к гносеологии и далее, через аксиологию и культурологию, к персонализму. Даже два основных ответа на вопрос о природе бытия в формулировке Ф. Энгельса (идеализм и материализм) на «онтологической» стороне философии, по сути дела, есть два объяснения двойственной природы человеческого бытия, делающие акцент либо на духовной, либо на телесной его стороне. «Гносеологическая» сторона философии, разводящая субъект и объект, делает акцент на их соотношении, с неизбежностью выводя (с осознанием проблемы трансцендентального субъекта) на первый план проблему свободы и личности. «Аксиологический» акцент в философии – от феноменологии к экзистенциализму и одновременно к герменевтике, нормативно-ценностной культурологии и постструктурализму – выражает стадии созревания уже собственно персонологической доминанты.

Одной из черт классической философии был отказ от индивидуальной подлинности и уникальности в пользу логической системы: марксист полагается на общество, материалист – на природу, экзистенциализм забрасывает человека в мир, лишенный смысла, мир абсурда. Все это пути ухода от пугающей свободы и ответственности. И тогда человек оказывается тем, что он сам делает с собою и с миром, не имея выхода из своей свободы. Историческая роль постмодернизма в его амбивалентности и в важнейшем послы, который все-таки не манифестируется: нет и не может быть единой и универсальной схемы описания и объяснения, претендующей на абсолютную реальность и истинность.

В европейской философии персонализм прошел сложный путь: трансцендентальный субъект (Р. Декарт), его схематизм (И. Кант), интенциональность сознания и символические формы бытия (Э. Кассирер, Э. Гуссерль), сознание как оплотняющий диалог с Другим, в том числе – бессознательным (М. Бубер, М. Бахтин, Э. Левин, фрейдизм), человек как совокупность общественных отношений (К. Маркс, В. Ленин), как «человек и его обстоятельства» (Ортега-и-Гассет), как символическое тело (постструктурализм). К концу XX века в философской картине мира человек оказался перенасыщенным, перегруженным качествами. Складывается ситуация, когда «портрет» человеческой природы вновь необходимо «перебрать» «почистить» – в плане перехода от структурных описаний к выявлению подлинного механизма динамики свободы от трансцендентального к социальному.

Человек – существо конечное и поэтому обречен на постижение бесконечного мира только «в каком-то смысле», с какой-то ограниченной в пространстве и времени позиции. Однако, если смысл – порождение конечной системы, пытающейся понять бесконечное, то тогда условием осмысления является «выход в контекст» своего бытия. Этим условием оказывается свобода – не только трансцендентальный исходный импульс, но и гарант осуществления этого смысла в социальном событии. Если в XIX веке основной парадигмой гуманизма было осознание того, что главное – это борьба за свободу, то XX век принес осознание того, что главное не достижение свободы, а переживание свободы, способность ее вынести.

Значение постмодернизма прежде всего и именно в создании предпосылок новой постановки проблемы свободы и ответственности. Он зафиксировал два важных момента: во-первых, момент ухода конуса свободы и ответственности за границы психосоматической целостности индивида, во-вторых, необходимость создания персонологии и метафизики нравственности.

Философия на пороге XXI столетия и нового тысячелетия раскрывается преимущественно как персонализм, вбирающий в себя как философскую антропологию и культурологию, так и традиционную метафизику. Мы являемся свидетелями того, как меняется предметность самой философии: сперва ее «покинула» наука, потом логика, теперь настала очередь метафизики свободы. Проблема свободы человека – отнюдь не сфера абстрактных академических студий, а значимый предмет для исследователей, экспертов, политиков, специалистов теории и практики менеджмента, образования, семейного

воспитания, социальной помощи и реабилитации, художественного и научно-технического творчества, СМИ.

К началу XXI столетия сложились предпосылки для парадигмального сдвига, ключевыми моментами которого являются новый синтез духовного опыта. Синтез духовного опыта должен включать, во-первых, расширенные представления о «природе» рациональности человека, личности; во-вторых, осмысление как порождение новых возможностей, сценариев реальности и поведения отдельного индивида (личности), социальных групп, государства; в-третьих, переход к глубоким многомерным моделям изменения общества и государства; в-четвертых, персонализм – как неизбежность и неуничтожимость личностного начала – источника, средства и результата динамики осмысления и смыслообразования.

Проблема усугубляется спецификой гуманитарного знания. Насколько вообще совместимы понятия гуманитарности и знания? Можно ли говорить о гуманитарных науках? Ведь понятие «humanities» означает широкую сферу проявлений человеческого духовного опыта. Для результатов этой деятельности характерны уникальность, неповторимо личностный характер, оценочность, эмоциональная окрашенность. Гуманитарное знание достаточно специфично, оно прежде всего персоналистично персонологично, поскольку своим основанием имеет смысло-порождение и осмысление (понимание). Гуманитарному знанию с его смысловой неоднозначностью противостоит наука, «science», под которой понимается деятельность, связанная с получением знания в результате расчета и эксперимента, т.е. преимущественно естествознание и математизированные науки.

В содержании гуманитарного знания можно выделить несколько слоев (уровней), с каждым из которых связаны соответствующие типы осмысления:

(1) «Социологический» (собственно социологический + политэкономический + экономико-географический) уровень знаний о социальной, политической, экономической, отчасти – природной среде, обеспечивающий сохранение и развитие общества. В данном случае речь идет о внешнем слое (уровне) инфраструктуры культуры, который обеспечивает существование и развитие конкретных культур: от кормящего ландшафта и экономики до политического менеджмента и права. Поэтому экономикоцентризм, политикоцентризм чреват серьезными, если не катастрофическими издержками. Опыт государственного управления в Украине последних лет – убедительный тому

пример. Экономика, политика суть инфраструктуры, обеспечивающие выживание и развитие конкретных социальных культур как внегенетических систем порождения, сохранения и трансляции социального опыта.

(II) «Культурологический» уровень, который так же опасен «культуро-центризмом», как и предыдущий, социологический уровень. В середине 1990-х годов академик Д.С.Лихачев инициировал разработку «Декларации прав культуры». Принципом данной декларации является идея о том, что каждый народ и этнос должен иметь право на реализацию базовых ценностей культуры, с которой он себя идентифицирует, на доступ к культурно-историческому наследию. В современном мире развитие культур предполагает их сосуществование, вынуждая их к этому. Следует подчеркнуть фундаментальную, определяющую роль культурной идентичности, консолидирующей общество по отношению к реализации природных, экономических, политических и прочих ресурсов. Но не следует при этом забывать, что самодостаточность отдельных культур временами оборачивается изоляционизмом, нетерпимостью к иным культурам и их носителям, а то и шовинизмом. Национализм чаще всего выпестовывается в среде гуманитарной интеллигенции. Поэтому одной из **главных задач нового синтеза духовного опыта** является выработка представлений о гарантиях сосуществования и развития различных культур и оценки в соответствии с этими критериями. Особенность современной ситуации в том, что если раньше развитие культур и этносов было возможно за счет миграций целых народов, экспансии, поглощения, а то и уничтожения иных культур посредством войн, этнических чисток, геноцида и т.д., то современность выстроила границы такой практике. В современном очень «тесном» мире развитие культур предполагает их сосуществование, вынуждая их к этому. Однако сами эти культуры – суть инфраструктуры, обеспечивающие формирование и развитие (социализацию и индивидуализацию) конкретных типов личности.

(III) «Антропологический» уровень – рассмотрение условий существования человека как единства души, тела и Духа, их целостности. На этом уровне и возникает вопрос: каков смысл акцента на «человекоцентризм»? Может быть целесообразен акцент на ограниченность «человекоцентризма»? Человек – это не всегда хорошо и не всегда самоценно. Когда А. М. Горький заявил – «Человек – это звучит гордо!», то это было эффектно, но не убедительно. Это доказано было в XX веке. О вине «гуманистических идеалов» в великой крови XX века писал

В.Шаламов. Собственно, именно об этом еще ранее была написана «Легенда о Великом Инквизиторе» Ф. М. Достоевского. Лозунгом «Все во имя человека, все для блага человека!» оправдывались самые страшные злодеяния и самозванство – делание других счастливыми помимо и вопреки их воле. Добавим, что современные «телесные» практики в науке, медицине, искусстве, игра телом в обыденном опыте раскрывают несущественность антропоморфности, а антропологический уровень низводят до абстрактной животности.

(IV) Более глубокий «персоналогический», персоналистический уровень – выявление форм, условий и гарантий формирования, развития и сосуществования личностей, в том числе – носителей различных идентичностей, их самореализации и творчества. Поэтому смыслообразование персоналистично, является результатом глубоко личностного опыта, проявлением человеческой свободы и ответственности. Однако и персонцентризм также ограничен, чреват эгоцентрическим индивидуализмом. Личность – как взаимосвязь тела, души и духа (Духа) – оказывается лишь инфраструктурой свободы.

(V) Наконец, самый глубокий «метафизический» уровень, уровень метафизики, проявления свободы как бытия в возможности. Именно он оказывается главным, стержневым, на который наслаиваются все другие. Свобода – не просто «дыра в бытии», как называл ее Ж.-П. Сартр, – оказывается смыслообразующим фактором, на который наслаиваются различные слои гуманитарного знания. Игнорирование этого уровня обесмысливает все остальные. Более того, ограничение одним или только несколькими другими уровнями, без рассмотрения условий и гарантий реализации свободы, не только несостоятельно, но и опасно. За человеком – существом, в общем-то, амбивалентным, надо видеть главное, носителем чего он довольно часто выступает – свободу. Покушение на свободу человека (личности) всегда так или иначе оказывается покушением на бытие, уничтожает его. Абсолютизация каждого из отмеченных слоев чревата серьезными проблемами. Поэтому различные «центризмы» (социоцентризм, экономикоцентризм, культуроцентризм и даже – персонцентризм) оказываются недостаточными и несостоятельными в раскрытии смысла понятие «гуманитарное», несущей характеристикой которого оказывается понятие «свобода». Конкретизирующими характеристиками категории «свобода» оказываются выделенные уровни.

Единственный носитель свободы – личность, существо, наделенное способностью к трансцендированию в иное. Проявлением этой способности и является сознание, разум, все то, что связывается с

интеллектуальной, духовной деятельностью. Ныне модно рассуждать о дегуманизации современного общества. Но что конкретно выражает эта пафосная формулировка? Означает ли она, что ранее существовавшее общество было «гуманизировано», а нынешнее – нет? Вообще-то, все общественные системы, так или иначе, апеллируют к человеку, обеспечению оптимальности социального бытия. Да и что такое – дегуманизация? Каков ее смысл? Расчеловечивание? Утрата человечности? В чем и где эта дегуманизация проявляется? По-видимому, в росте насилия со стороны власти, в технологическом рассмотрении человека как средства в политике, в менеджменте, даже в медицине – как «поставщика запасных частей», в искусстве? Но здесь вопрос спорен. Достаточно хотя бы напомнить достижения в охране окружающей среды, в медицине, степень комфорта жизни и условий труда, достигнутых современной цивилизацией. Но возможна ли дегуманизация в принципе, если все ее проявления – дело рук человеческих, воплощение его идей, потребностей, чаяний?

Главная проблема не в дегуманизации, а в самом человеке. В наше время эта проблема стоит чрезвычайно остро. Сам человек стал проблематичен, нуждается в некоей антроподицее. Человек есть человек в полном смысле слова тогда и только тогда, когда он является личностью, носителем сознания и самосознания. Именно самосознание – наиболее важное проявление человеческой сущности. Речь идет о свободе, носителем которой является субъект самосознания. Человеческая сущность и есть свобода, вечно ждущая за порогом человеческой определенности мира. Самосознание «Я» внеприродно и внефизично именно потому, что оно есть чувствилище свободы.

Где и когда начинается и заканчивается личность? Где и когда начинается и заканчивается Я? Где и когда «Я» духовно? К концу XX столетия эти вопросы звучат весьма нетривиально. Кто и когда определяет появление личности? На эти вопросы нет однозначного ответа. Бесспорно лишь то, что человек вторичен по отношению к своей позиции, от «доли», которую он получает своей включенностью в мир. Не личность формирует ответственность, а ответственность (и свобода) формирует и оформляет личность. Границы личности историчны, задаются свободой и ответственностью. Свобода и ответственность зависят прежде всего от особенностей культуры, к которой принадлежит личность и которая, собственно, и определяет границы личности. В своем историческом развитии человек проделал путь от целостности мифа, сливающего человека в неразличимый синтез с природой, обществом, к этносу, роду, классу и, наконец, – к

личности, к индивидуальной личности. В цивилизованном обществе нравственно-правовые границы личности как, субъекта поступка и ответственности, практически совпадают с границами биологическими – реальной взаимосвязью души и тела. Однако эти границы подвижны, зависят от возраста и психического здоровья личности. Несовершеннолетний или психически больной (невменяемый) человек в эти границы не попадает, т.к. не отвечает за свои действия в силу недостаточности интеллектуального и нравственного развития или в силу болезненного состояния. За этими границами человек не является личностью, так как невменяем (ребенок, маразматик, психически больной и т. п.). Мы вправе говорить об исторической тенденции сужения границ «Я», границ личности вменяемого, свободного и ответственного субъекта. Эта тенденция сужения границ вменяемости и личности может быть продолжена в плане сужения границ человеческого «Я». Процесс сужения границ ответственности (а значит, и личности) необходимо рассматривать в интенсивном аспекте, т.е. вглубь? Нынешние успехи медицины и технологии, возможности протезирования, трансплантации органов, косметические операции, операции по смене пола делают реальным отношение к телу как своеобразному костюму, скафандру, который личность при желании и возможности может поменять. Современная геноинженерия, успехи медицины не просто породили биоэтику, но создают совершенно немыслимые ранее нравственные, правовые и религиозные казусы. Психологи и педагоги говорят о пренатальной (внутриутробной) стадии развития личности. Небывалой остроты приобрел вопрос об абортах, трактуемых не как прерывание физиологического процесса – беременности, а как человекоубийство в полном смысле слова со всеми вытекающими нравственными и правовыми последствиями.

Границы свободы и ответственности в наши дни утратили четкость Нового и новейшего времени. Границы свободы в XIX-XX веках есть границы собственности (доля, кусок, объем, квадратные площади и т.д.). «Я» становится «точкой ответственности» в стихиях, стоящих за видимым миром, «странником» по этим стихиям, «Я», не столько отделено от бытия, сколько вплетено в его ткань.

В век компьютерных и нанотехнологий весьма модно утверждать, что свобода и свобода воли – синергетический результат формирования и развития личности (синергетического результата развития культуры), которая реализует возможность прорыва, трансцендирования в иное, потенцирования реальности. Подобного рода констатации скрывают одну непреложную идею: вне человека, точнее – вне

человеческой личности, обладающей сознанием, свободы нет. XX век принес осознание того, что главное – не борьба за свободу и даже не достижение свободы (мгновения, ибо свобода – это мгновение принятого решения), а переживание свободы, способность ее вынести. Это переживание может быть бегством от свободы, уходом в невменяемость. Переживание свободы может обернуться и свободой воли как волей к неволе; может обернуться и прямым произволом, насилием над природой, обществом, другим человеком. Но может открыть гармонию мира меру и глубину ответственности за нее.

Великий гуманистический проект Возрождения и рационализма Просвещения, превративший человека в самоцель и высшую ценность, на наших глазах приобретает новые краски. По-видимому, позитивной стороной постмодернизма является демонстрация несостоятельности и тупика культуроцентризма, а также самодостаточности творчества. Раскультуривание современной культуры, перенасыщенной культурой, в которой сама культура становится предметом игрового манипулирования, развенчивает амбиции культуроцентризма. Тем самым обесмысливается и творчество. И то и другое, рассматриваемое как некий смысл, обесмысливается, не находя основания в самом себе. И не найдет никогда, потому что смысл, как это очевидно, задается контекстом. Однако в тупик ведет и самоценность человека. Поэтому так называемое «расчеловечивание» современной культуры и цивилизации, так пугающее ярых поборников гуманизма, в высшей степени плодотворно. Современная культура расчеловечивает, открывая важность постчеловечности, позволяя за тремя соснами увидеть лес и определенные тропинки в нем.

Тенденции развития правовой и нравственной культуры подтверждают сказанное. Еще в начале XX столетия право было озабочено соблюдением норм социальной жизни в экономической и политической сферах преимущественно. Нарушение прав национально-этнического плана не становилось вопросом правовой экспертизы. Например, армянский геноцид, вытеснение и ликвидация коренных аборигенов в северных широтах земного шара так и не стал в свое время предметом правовой оценки. Но уже Холокост расценивался Нюрнбергским процессом как преступление против человечности.

В настоящее время в мировой правовой системе произошел сдвиг, может быть, самый значительный за всю историю. Суть этого сдвига в том, что неотъемлемые права человека приобретают наднациональную юридическую значимость. Речь идет, похоже, о необратимой ди-

намике. От экономики, политики право в мировом масштабе шагнуло в обеспечение гарантий национально-этнической культуры.

Тем не менее, похоже, назревает следующий шаг – к сердцевине гуманитарности. Речь идет отнюдь не только о гарантиях свободы вероисповедания и иной культурной идентичности. Речь идет о свободе доличностного уровня. Пример этому – упоминавшиеся проблемы абортов и использования генной инженерии, клонирования и т.п. Все они связаны с правовой защитой еще не сформированной личности, некоей возможности личности.

Поскольку право, закон – формализованная часть нормативно-ценностного содержания культуры, нравственности, фиксирующая в формализованном виде нормы социальной жизни, то общую динамику гуманитарной культуры, по-видимому, можно свести к следующему: необходимо четко различать понятия «гуманизм» и «гуманитарность», включая в последнее понятие и такую характеристику как постчеловеческий персонализм. Гуманизм должен занять место рядом с экономизмом и национализмом – формами ограниченной гуманитарности. Гуманитарность же предстает персонализмом свободного духа.

В связи со сказанным заметим, что проявления духовного универсальны и едины – в силу своей постчеловечности. В этой плоскости «просматриваются» возможности гуманитарных наук. Условием науки является единство природы, конструируемое человеком на основе научных законов. Возможность гуманитарного знания основана на единстве и универсальности духа. Все люди как личности являются носителями трансцендентального субъекта. Иное дело, что единый и универсальный дух проявляется через конкретную личность, занимающую конкретную и уникальную позицию в мире. Но, и в науке единый и целостный мир – это мир в каких-то приближениях, с каких-то позиций исследования, экспериментирования, средств наблюдения, измерения и т.д.

Познание человеком мира – попытки конечного существа понять бесконечное. Поэтому познание всегда герменевтично. Оно всегда интерпретация, всегда осуществляется с определенной позиции, точки зрения. Гуманитарность неизбывна с позиции личностной, базовых ценностей какой-то культуры или субкультуры и т.д. Посему особую важность, актуальность приобретает проблема диалога культур, диалога личностей.